

АРБОРА, АТРИУМ ЗА ОКТАГОНОМ, РАННИЙ ВЕЧЕР,
7-Й ДЕНЬ МЕСЯЦА ЖАРЫ, 53-Й ГОД ПЕРЕД ВТОРЫМ
ВОСХОЖДЕНИЕМ САСМИРЫ НА ПРЕСТОЛ

Переливающиеся перья светились в лучах заходящего солнца. Капли крови искрились, словно рубины вокруг откушенной головы павлина.

— Като!

Это был не крик, а скорее тяжелый вздох.

Кровавые отпечатки лап на плитах из песчаника выдавали убийцу павлина, который убежал за колодец и утащил за собой труп птицы.

Люцио вышел из узкого прохода сзади атриума. Буквально минуту назад он был в приподнятом настроении, так как на вечернее служение пришло почти в два раза больше верующих, чем обычно. Люцио рассказал им легенду о Человеке-вороне, замечательную историю о том, как в конце концов справедливость всегда побеждает зло, царящее в мире.

Разумеется, он понимал, что большинство посетителей храма просто скрывалось от томительной вечерней жары в прохладном куполообразном здании октагона. Но это не имело значения: у него было семнадцать слушателей — такое количество людей уже давно не приходило в храм. Слишком уж много соблазнов предлагала Арбора. В других городах ходили слухи, что даже у попрошайек в Арборе было достаточно денег, чтобы посещать бордель.

Люцио ограничивал себя. Он был верховным священником и женатым человеком. С тех пор как его жена Сибелла вместе с их сыном Нандусом уехала в поместье своего брата в горах, Люцио довольно часто размышлял о соблазнах публичного дома. Но он ни разу не поддался искушению, так как слишком хорошо знал — из признаний исполненных раскаяния верующих, — чем впоследствии могли обернуться сладкие подарки ночи.

Люцио вышел во внутренний дворик и поднял голову павлина. Роскошные кобальтовые перья окружали мертвые глаза цвета обсидиана.

Люцио подумал, что после возвращения Сибеллы ему будет невесело. Его жена любила дерзкого павлина и подкармливала его виноградом и мелко порезанными кусочками яблок. При этом Люцио она уже давно не приносила порезанных фруктов...

— Като?

Коту лучше было не попадаться на глаза Сибелле, в противном случае одноухий охотник рисковал превратиться в начинку для пирожков, предназначенных для следующего кормления бездомных. Люцио решил, что нужно поймать кота и отдать его на пару месяцев в крепость рыцарей.

— Като? А ну-ка покажись, негодяй!

Люцио обошел колодец, посмотрел на жалкие останки павлина и с горечью подумал, что роскошные хвостовые перья больше никогда не раскроются в форме веера. Полость живота была разорвана и выпотрошена. Очевидно, Люцио прервал праздничный ужин Като. Старый кот знал, что вскоре его ждет наказание.

Кровавые отпечатки лап вели к беседке, вокруг которой росли розы, а за беседкой, в бывшей крепостной стене, находилась небольшая решетчатая дверь, преграждающая проход людям, но не котам. По ту сторону полуразрушенной стены, за пределами которой уже давно разросся город, находился переулок, где жили красильщики.

Люцио хотел было вернуться — погоня за котом по ночным улицам казалась ему смехотворной; он решил засунуть труп павлина в мешок с камнями и утопить его в порту, — но внезапно его внимание привлекли тихие хрипящие звуки, доносившиеся с обратной стороны решетчатой двери. Может, это какой-то пьяница? Люцио подошел поближе к решетке.

Мужчина, больше похожий на тень, чем на реального человека, сидел, скорчившись, в проходе. Своим видом он напоминал чудовище из сказок, восставшее, чтобы пугать детей.

Люцио невольно нащупал сбоку меч, который служил символом его звания.

Бородатый незнакомец с загорелым, обветренным лицом повернулся и посмотрел вверх на Люцио. Из глотки мужчины раздался сиплый хрип.

Верховный священник нерешительно приоткрыл дверцу и вошел в сводчатый проход, где воняло краской и мочой. Во взгляде незнакомца он увидел что-то знакомое — мольбу о прощении, которую Люцио часто замечал на лице грешников, идущих на плаху. Но за что мог просить прощения мужчина?

Незнакомец был крупного телосложения, его руки были покрыты татуировками. Моряк. Его жизнь наверняка была полна резвости и силы, но что-то лишило его обоих качеств. Это был не просто пьяница. Внезапно у священника появилось предчувствие приближающейся беды.

— Я... Я...

Люцио наклонился в надежде расслышать невнятные слова.

Лицо мужчины исказилось от невыразимой боли.

— Избавьте меня от мучений, — с трудом произнес он. Его взгляд остановился на мече священника. — Умоляю...

Леденящий ужас охватил Люцио. Он наклонился еще ниже и пощупал левую подмышку незнакомца. Сквозь грубую ткань пропитанной потом рубашки он ощутил припухлость.

Его прикосновение заставило моряка вздрогнуть от боли.

У Люцио зачесалась рука. Затем он увидел прыгающие темные точки. Блохи!

— Эрнандо! Мануэло! — позвал он единственных двух слуг, которых не забрала с собой его жена. — Принесите паланкин госпожи!

В эту летнюю ночь в Арборе пришла смерть, и она могла собрать богатый урожай.

**АРБОРА, ХЛЕБНЫЙ РЫНОК, РАННИЙ ВЕЧЕР,
7-Й ДЕНЬ МЕСЯЦА ЖАРЫ, 53-Й ГОД ПЕРЕД ВТОРЫМ
ВОСХОЖДЕНИЕМ САСМИРЫ НА ПРЕСТОЛ**

Элиза ожидала удар, но он оказался настолько сильным, что у нее подкосились ноги.

— Это мое сообщение твоему патрону Терцио, — прошипел Джакомо Форнио. Лицо тучного торговца покраснело от дневного зноя, двойной подбородок покачивался вверх-вниз, а темные запавшие глаза выглядывали из-под лохматых бровей. Но, несмотря на свою полноту, Джакомо был на удивление сильным. — Вставай! Я хочу еще кое-что добавить.

— Может, уже хватит? — попробовал успокоить торговца его зять, Джулио Коста.

Элиза знала седого патриция всю свою жизнь. Он женился на старшей дочери дома Форнио и регулярно посещал крупные поместья, которые на основании заключенных торговых договоров были должны семье Форнио большую часть своего урожая.

— Не вмешивайся, у тебя слишком мягкое сердце. Этот подонок обманывает нас каждый раз, когда появляется такая возможность. Жестокость — единственный язык, который понимают люди вроде него. — Он пнул женщину ногой в бок. — Давай, поднимайся! Или ты ждешь, что я буду наклоняться к тебе, невытая девка?

Элиза увидела слезы в глазах обеих дочерей. К счастью, Виола и Арианна были достаточно умными и знали, что лучше промолчать.

Металлический привкус крови наполнил рот молодой женщины. Элиза стиснула зубы, поднялась на ноги и мысленно приготовилась ко второму удару. Она надеялась, что Джакомо хотя бы не сломает ей нос.

Он ударил ее в лицо тыльной стороной руки. Его тяжелые золотые перстни поцарапали ей щеку.

— Оставь ее в покое! Нам еще нужно переодеться для пира, который устраивает Маттео, — вновь вмешался Джулио. — Сколько ни бей ее, это ничего не даст. — Невысокий, одетый в черное мужчина поднял руки, будто умоляя Джакомо.

— Ты же знаешь, что в ближайшие недели цена на зерно будет падать каждый день.

От очередной мощной оплеухи голова Элизы дернулась в сторону и женщина услышала пронзительный звон в левом ухе.

Слезы навернулись ей на глаза, и, хотя Элиза ничего не видела, она осознавала, что докеры, слонявшиеся вдоль набережной, матросы и одноногий попрошайка наблюдают за происходящим, будто это был веселый спектакль.

— Я себя лучше чувствую, когда бью ее! — Джакомо с трудом переводил дыхание. Элиза в очередной раз ощутила удар чужой руки, и ее рот наполнился кровью. Она скорчилась от боли и сплюнула на брусчатку.

— Хватит!

Женщина с удивлением подняла взгляд. Мужчина в белом рыцарском мундире встал перед торговцем.

— Разве избивать даму не ниже вашего достоинства?

— Даму? Разумеется. Но я вижу перед собой только дешевую шлюху.

— Мне жаль, что у вас настолько плохо со зрением, господин. Джакомо открывал и закрывал рот, словно форель, которую вытащили из воды. Он ошеломленно уставился на рыцаря,